

Саша Южный

Побег из Вечности

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С22

Серия «Мастера криминальной прозы»

Оформление обложки: *Юлия Межова*

Макет подготовлен редакцией (А) АСТРЕЛЬ СПб

Саша Южный

С22 Побег из Вечности / Саша Южный.— Москва: АСТ, 2015.— 349, [2] с.— (Мастера криминальной прозы).

ISBN 978-5-17-090503-4

Всадник Без Головы — так его называют. И если он колесит по Москве — произойти может все что угодно. Стрельба — не самое яркое из сопутствующих обстоятельств. А если ты решаешь стать его компаньоном, то лишиться можешь не только головы.

Подписано в печать 25.03.15.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Саша Южный, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Часть первая

ИМЯ РОЗЫ

Любимая, по слухам, есть Любовь.

Геннадий Жуков

Мечты — это символы несбывшегося. Иногда они подменяют жизнь. И тогда вместо действительности ты день за днем проживаешь некую невоплотившуюся реальность. Эта история отчасти об этом.

Мою судьбу определили две женщины. Каждая из них мелькнула в ней коротким ослепительным мигом. Одна родила меня, подарив жизнь, другая перевернула ее с ног на голову. Я не знал имен ни той, ни другой, но всегда мечтал найти их обеих.

Стоял тихий вечер. Над заправкой в синеве неба загорелась первая звезда. Топливо с шипением вливалось в бак новенького турбодизеля «Нисан-Навара», в сто семьдесят четыре лошадиных силы, когда слева от меня, возле третьей колонки, медленно возник красный силуэт «Мазды-Кабуры».

Кабура в переводе с японского «поющая стрела», возвещающая о начале атаки. Я удивленно застыл, разглядывая откровенно вызывающе выглядывшую машину,— расширенные колесные арки, напомина-

ющие клыки, фары и прозрачное декольте на капоте, обнажающее двигатель.

Тонированное стекло в окне медленно сползло вниз, и я увидел красивое юное лицо, оно было под стать машине — редкое, нездешнее, совсем не столичного шаблона. Длинная темно-каштановая челка до самых бровей и глаза цвета молодой травы. Говорят, увидев прекрасное, человек теряется. Что-то подобное случилось и со мной.

Лицо девушки в машине светилось тонкой улыбкой, отражая комичность момента. Конечно, я выглядел смешно: обалдевший парнишка с заправочным пистолетом в руке и торчащими в стороны ушами. Я смотрел на нее открыто, как ребенок. Между нами лежал континент, но я продолжал смотреть так, словно это был лик истины или по крайней мере ее маска, из-под которой она разглядывает нас. Наверное, из-за таких лиц и стоило жить, чтобы они были рядом, или даже из-за мгновений, на которые они внезапно появляются возле тебя. Потому что тогда над серой лентой твоей жизни словно вспыхивает фонарь, и действительность вокруг начинает высвечиваться совсем иными образами, нежели эта проклятая лента.

— Молодой человек, вы не заправите мою машину? — произнесла девушка. В ее голосе звучала легкая ирония.

И я, очнувшись, прекратил заливать топливо в «нисан», взял из рук водителя деньги, машинально сунул их в карман и произнес:

- Вам сколько?
- Полный бак.

Я кивнул и вставил пистолет в бензобак ее машины. Пока лилось топливо, я делал непроницаемое лицо и тщетно старался смотреть лишь на счетчик, отматывающий литры и рубли. Но неодолимая сила поворачивала мою голову в сторону незнакомки. В конце концов я снова встретился с ней взглядом и тут же отвел его в сторону. Мне казалось, для того чтобы иметь право смотреть на такие лица, нужно обладать особым пропуском или по крайней мере сидеть за рулем «бентли».

Мой взгляд скользнул по окнам заправки и наткнулся на постную физиономию старшего смены, Гриши. Он тоже украдкой рассматривал девушку. Гриша был моим прямым начальником, но в данной иерархии эта должность делала его ближе к незнакомке в «мазде» не более чем на шаг, что в сравнении с километрами шоссе Канны—Антиб, эшелонами цистерн с нефтью, квадратными метрами особняков где-то в Монако или Майами и длинными цепочками нулей в банковских счетах являлось сущим пустяком.

Я еще раз покосился на Гришу и повесил пистолет — бак был полон. Узкая загорелая ладошка протянула через окошко деньги. Девушка улыбнулась на прощание и уехала, а я еще долго смотрел ей вслед, держа в руках деньги и наблюдая, как в вечерних сумерках растворяется ее «Мазда-Кабура». Это был тот самый редкий момент, когда хочется, чтобы время остановилось. Мне казалось, что это и есть Та девушка, с которой только раз сводит тебя судьба. Никогда в жизни я не испытывал подобного. Но разве мог хоть чем-то удержать рядом с собой такую красоту человек с просроченной московской регистрацией и жалким жалованьем работника заправки. С таким активом

было невозможно соблазнить даже продавщицу цветов с соседнего рынка. Москва!

Кто-то когда-то сравнил подобных женщин с прекрасными островами, которые иногда проплывают мимо. Но ты никогда не готов к таким моментам.

Я стоял, глядя в сумерки, поглотившие «Мазду-Кабур», пока не подъехала следующая машина.

Меня сменяли в одиннадцать вечера, и я шел пешком пять кварталов до дома, где снимал квартиру. На нее уходило две трети моей зарплаты. Но я сознательно шел на такие траты, поскольку прежде никогда в жизни не жил один. Я был детдомовским и вплоть до демобилизации не имел личного пространства, которое принадлежало бы только мне. В казармах, детдомовских спальнях и общежитиях, где я жил, размещались как минимум четыре человека.

Квартирка была убогой. Из мебели только старая панцирная кровать, стул и стол на кухне, но, засыпая здесь в первую ночь, под невнятные звуки вальса, лившиеся из допотопного репродуктора, оставшегося, наверное, еще с советских времен, я блаженствовал. Меня не удручало отсутствие холодильника, телевизора и прочей ерунды. Я блаженствовал только лишь от одного сознания, что нахожусь один на этих тридцати двух метрах жилого пространства. Это уже потом пустота и одиночество стали тяготить меня.

Улицы пустели, и на Москву спускалась прохлада, но воздух пока хранил запах выхлопных газов и пыли. И моя голова с оттопыренными ушами, еще полная угаром момента, колыхалась среди голов многочисленных прохожих, легкая, как воздушный шарик.

Через неделю девушка появилась снова, и я опять растерялся, потому что меньше всего ожидал этого. Я залил до краев бак очередной машины — светло-серого «форда мустанга», повесил пистолет и прислонился спиной к колонке. Погода была теплой. Идти внутрь не хотелось. Тихий вечер плыл мимо заправки, касаясь моего лица своим бархатным боком, навевая разные мысли и легкую тоску. Я стоял, глядя в пустоту перед собой, и ни черта в ней не видел — безысходность заливала мои мозги и глаза серой матовой пеленой. Я стоял, а вечер плыл куда-то за горизонт, зажигая первые огни в ближних домах, сгущая воздух и размывая очертания предметов. В этот момент справа бесшумно, как привидение, возник силуэт «Мазды-Кабуры». Сердце заработало в моей груди с частотой отбойного молотка. Я опять оказался не готов к ее появлению.

— Привет! — сказала мне девушка, как старому знакомому, снимая черные очки и убирая их в бардачок.— Заправишь?

Я кивнул и пересохшим горлом хрипло произнес:

— Привет!

Пальцы слегка подрагивали, когда я снимал с колонки пистолет. Я сунул его в бензобак, повернул голову и увидел улыбку девушки в левом боковом зеркале заднего вида.

Бензин с глухим шуршанием заполнял бак, а я опять старался «держать лицо» невозмутимым и проклинал себя за собственную неуклюжесть. Надо было что-то сделать, что-то сказать. Такое, чтобы ее заинтересовало, но я не знал что.

Она стала появляться на заправке довольно часто. Наверное, жила где-то неподалеку или ей просто было

по пути заезжать сюда. Наш разговор обычно состоял из пяти—десяти фраз, пока в бак ее машины лился бензин. Я робел и вел себя неуклюже. Она подшучивала надо мной. На вид ей было лет семнадцать. Смуглая, бархатистая кожа, изящная чуть вытянутая фигура и, конечно, зеленые глаза. Небожительница!

Потом она уносилась в свой закрытый для меня мир, где люди вдыхали воздух полной грудью, легко перемещались через границы и материки, знали вкус жизни и свободы. А я оставался на этой проклятой заправке, словно на заброшенной пристани, мимо которой изредка проплывают корабли. И потом всю неделю гадал, когда она появится. Тот день был очень теплым для начала осени и каким-то безмятежным. Но именно в этот день все и произошло. Она подъехала ближе к обеду, поздоровалась, сказала, сколько залить бензина, и вошла в магазин. Я украдкой проводил ее взглядом, на ней был легкий яркий сарафан и босоножки на высоком каблуке. Стройные ноги ступали по пыльному асфальту с легкой грациозной небрежностью. От этой картинки у меня ныло под сердцем.

Когда я, заправив «мазду», повесил пистолет к противоположной стороне колонки, переливаясь глянцем, подъехал серебристо-зеркальный «Лексус ИС 250». Тонированное стекло окошка опустилось, открывая физиономию владельца. Глядя на эту увеличенную раз в двадцать ватрушку с расплывшимися по плечам щеками, я сразу заподозрил, что она венчает тело весом не менее полутора центнеров. Когда хозяин машины с трудом выбрался наружу, колыхая «лексус» как детскую коляску, я понял, что не ошибся. К тому моменту я, уже заполнив бак, вынул из него пистолет. Пара капель бен-

зина упала на бок машины. Заметив это, боров в светлом костюме с бордовым галстуком принялся на меня орать. Во рту его сверкал оправленный в золото двойной частокोल зубов. Старомодно, конечно, но все равно впечатляюще. В это время из магазина вышла Она со стаканчиком кофе в руке. Я отвел взгляд от золота во рту орущего на меня клиента, поймал ее чуть насмешливую улыбку и почувствовал, что пропасть между нами увеличилась еще больше.

Вот тогда все и началось. Я словно увидел себя со стороны, словно посмотрел на себя ее глазами и увидел, кто я есть — безответное лопухое существо в дурацкой яркой униформе служащего бензозаправки, на которого орет откормленный убудок. Жалкое зрелище! Вся моя натура вдруг восстала против этого. Мне не хотелось оставаться таким ни на мгновение. Я всегда был быстр в движениях и очень ловко сунул пистолет в эту сверкающую золотом пасть, проникая им до самых гланд хозяина «лексуса» и одновременно нажимая на рычаг. И этот боров, захлебываясь бензином, стал валиться на багажник своей машины.

Девчонка хлопала в ладоши. Хозяин «лексуса» беспрерывно кашлял и понемногу синел, а из магазина к нам бежал старший смены Гриша. Его бледное лицо было перекошено от ужаса, а в руке был зажат надкусанный гамбургер. Подбежав, он резко махнул рукой, собираясь дополнить этот жест словами, но вместо этого, подавившись непрожеванным куском, жутко закашлялся.

— Еще один! — произнесла девушка и перевела взгляд на хозяина «лексуса». Тот выглядел совсем плохо.— Надо вызвать скорую.

С этими словами она достала телефон.

Я машинально кивнул.

Отъезжая, она посмотрела на меня долгим взглядом, в котором на этот раз не было ни иронии, ни лукавства, и сказала:

— А ты стоящий парень!

В ее устах это прозвучало непривычно серьезно. Я улыбнулся в ответ, а в голове мелькнуло: как странно! Я бы не решился на подобную выходку, предложи мне кто-то сделать это ради некоей выгоды, но пошел на такое только ради того, чтобы услышать от Нее короткую похвалу. И кажется, это меня полностью устроило. Более того, послужило наркозом, благодаря которому я почти безразлично встретил все последующие события. Потому что потом была скорая, которая на месте откачивала владельца «лексуса», затем хозяин заправки, милиционеры и бандиты. Допрашивали, орали и били меня, отведя в тесную подсобку, все по очереди. Последние делали это без особого энтузиазма, скорей для проформы, чем по желанию. Их главный, Саня Железо, приехал немного позже своих живодеров. О нем ходили по Москве разные слухи и легенды. Железо, еще в те времена, когда дрались не за деньги, а за честь, приходил один против десятерых, брал с собой молоток и не стеснялся бить им по лбам оппонентов. С ним предпочитали не связываться и поговаривали, что у него справка. Правда это или нет, выяснить теперь уже не представлялось возможным. Спрашивать у самого Железо было опасно. Можно было легко получить в лоб, но уже не молотком, а из беретты солидного калибра. Да это уже и не имело значения. Теперь Саню боялись и без слухов о справке. За глаза и не

без оснований его называли Всадник Без Головы. В общем, это был жутковатый тип ростом под два метра. Нежно-розовая рубашка и светлый итальянский костюм никак не скрашивали этого впечатления.

Я застыл, приготовившись к самому худшему.

Выслушав доклад своих подручных, Железо некоторое время смотрел на меня замораживающим взглядом. Его сухошавое лицо с чуть впалыми щеками буквально излучало агрессию. Я стоял перед ним, как кролик перед удавом, понимая, что сейчас с меня начнут спускать шкуру по-настоящему, и лихорадочно соображал, как бы этого избежать.

Вдруг в глазах бандита что-то едва уловимо поменялось. Он неожиданно издал короткий смешок, а потом, без звука переломившись пополам, прислонился к колонке. Я, еще не понимая почему, всей своей шкурой почувствовал, что это добрый знак.

— Ты... ты!.. — тыкал в меня пальцем Саня и пытался что-то сказать, но ему мешал смех. — Ты заправил его! — наконец скороговоркой произнес он и снова зашелся безудержным смехом. — Теперь Жорж шницеля не ест, он бензином на заправках питается, — с трудом выдохнул следующую фразу Железо, и его скрутило в очередном приступе.

Я переводил дух, осторожно пропуская сквозь зубы воздух, а вкус металла во рту понемногу терял свою остроту.

Теперь смеялось все окружение Железо.

— Говорят, это дешевле! — уже рыдал он.

Минуту спустя Саня вытер слезы и произнес:

— Отпустите пацана.

Бандиты убрали руки с моих плеч. Саня выпрямился и оглядел заправку.

— Здесь же камеры,— сказал он.— Давайте запись заберем. Сходите, договорись. Заплатите сколько надо. Теперь Жорж не отвертится, что к рожку на заправках припадает.

Я стоял, застыв на месте, не веря до конца, что мне повезло. Очень хотелось тут же исчезнуть с глаз бандитов, но я не решался пошевелиться, опасаясь привлечь внимание. Но взгляд Сани Железо уже блуждал где-то в иных сферах.

Вскоре все стали разъезжаться. Я смотрел им вслед, вытирал кровь с лица и думал о том, что буду делать дальше. Моя карьера заправщика безвременно оборвалась, московская регистрация кончилась три недели назад, а надежда на то, что удастся скопить немного денег, растаяла еще в начале лета.

Неожиданно здоровый, словно комбайн, внедорожник «навигатор» остановился и резко сдал назад. Я едва успел отскочить. Из машины выглянул Саня Железо. Он внимательно окинул меня взглядом и вдруг произнес:

— Слышишь, Бензин, а хочешь другой жизни? Короткой, но веселой. С перестрелками, шальными деньгами, длинными кокаиновыми дорожками и пляжами. Толстые сигары, дорогие московские шлюхи и прочее. А то ведь так и простоишь всю жизнь с заправочным пистолетом.— Железо слегка язвительно улыбнулся, а потом продолжил: — Ты когда-нибудь бывал в Малаге, Бензин? Или на Коста-дель-Соль? Пальмы, белый песок, запотевшие бокалы с дайкири, изумрудное море и огненные закаты.

Я не знал, что такое дайкири. В армии мы пили паленую водку и наблюдали пыльные закаты над пром-

зоной. Он говорил о дорогих шляхах, но у меня и дешевых-то не было.

— А знаешь, Бензин, что обладание любимой женщиной заменяет все сразу: стакан дорогого виски, кругосветный круиз, спортивный «феррари» и кокаинную дорожку? — продолжал Железо.

Я пожал плечами. Женщины, что по весне ходили под окнами нашей казармы, тянули разве что на стакан свекольной сивухи и автобусную экскурсию по Череповцу.

— Ну так что, хочешь такой жизни?

Если этот человек и был психом, то психом с поэтическими наклонностями. И говорил он как поэт. И этим Коста-дель-Соль убил меня наповал. Я посмотрел в его голубые, чуть навывкате глаза — две безумных планеты, — быстро сглотнул и кивнул.

— Тогда прыгай, — сказал Железо, и его внедорожник тронулся с места,

Я запрыгнул в «навигатор» уже на ходу. Прыгнул в другую жизнь: в ту, что небрежно, в несколько фраз, обрисовал мне Всадник Без Головы.

Все начало сбываться с первых же минут — я имею в виду неприятную сторону дела. Едва мы выехали на Краснопрудную, как у Сани Железо зазвонил телефон. Он поднес его к уху, секунд пять слушал, а затем выругался и резко заложил руль влево. Развернувшись и едва не сбив зеленую «тойоту», Железо погнал машину в обратную сторону. Некоторое время мы ехали по Краснопрудной, буквально расталкивая машины, пока не уперлись в «Ягуар R-TYPE». Новейшая модель. Он ехал со скоростью девяносто километров в час. Железо подавал ему длинные сигналы клаксоном

и мигал фарами, но все было тщетно. «Ягуар» мог бы добавить скорости и уйти в правый ряд. Там было место, но он не пожелал этого делать. Тогда Железо, отстав от него метров на десять, резко выжал газ и на скорости сто сорок воткнул нос «навигатора» «ягуару» в зад. «Ягуар» был мощной машиной, но против Саниного комбайна не устоял. По крайней мере в первую минуту. Его волокло перед нами, как картонный ящик. Потом он попытался резко затормозить, и его чуть не развернуло.

— А жаль! — процедил Саня сквозь зубы, когда хозяин «ягуара», видя такой оборот дела, снял машину с тормозов. Теперь он постепенно снижал скорость. Через заднее стекло «ягуара» нам отчетливо была видна его плешивая голова.

Железо переменял тактику. Он тоже стал тормозить. Наконец обе машины встали. Из «ягуара» выскочил важного вида господин в костюме тысячи за три долларов, с породистым холеным лицом. Его душил гнев.

— Вы! — тыкал он пальцем в меня и Железо. Мы тоже выбрались из машины. — Да вы хоть знаете, в кого въехали, кретины?! Да вас...

Рот владельца «ягуара» презрительно скривился, собираясь выплюнуть какую-то гадость, но не успел, поскольку Железо, видимо, совсем не интересовало, в кого он въехал и что с ним за это сделают. Саня неожиданно выхватил пистолет и ударил владельца «ягуара» по носу. И на дорожную ткань костюма, перекрашивая ее из нежно-зеленого в бордовый, хлынула кровь, неожиданно много. Но Саню это не остановило, он ударил этого типа еще раз, теперь по темечку. Тот, пошатнувшись, стал падать.

— Держи его! — крикнул мне Железо.

Мы подхватили обмякшее тело и засунули его в «ягуар».

Минуту назад оно негодовало, грозило, лопалось по швам от сознания собственной значимости и, видимо, в самом деле представляло угрозу, а теперь лежало на нежно-кремовом кожаном заднем сиденье, поджав ноги, как мешок дерьма.

— Водить умеешь? — быстро спросил Железо.

Я кивнул.

— Давай за руль! — кивнул он на «ягуар». — Отгони в правую полосу и бросай. Я тебя подберу. Не забудь стереть отпечатки.

Я колебался не более секунды; за эту секунду в моей голове пронеслось несколько мыслей сразу. Первая о том, что мы влипли в историю! Вторая, что, выполняя просьбу Железо, я автоматически превращаюсь в соучастника преступления, и третья, появившаяся когда я уже открывал дверцу «ягуара»: «Что я делаю?!»

Ключ был в замке зажигания, машина на его поворот отозвалась мягким бархатистым и почти неслышным урчанием — чувствовалась порода. Я выбрал момент, когда в правой полосе появится промежуток, и едва прикоснулся к педали газа. «Ягуар» моментально скользнул вперед и занял пустующее место на полосе. Потом я дождался, когда внедорожник Железо поравняется со мной, остановил «ягуар» и выскочил из него.

— Ну как? — спросил меня Саня, когда я приземлился рядом с ним на сиденье «навигатора».

На лице головореза блуждала какая-то туманная улыбочка.